

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА

И.В. Побережников

Модель фронтальной модернизации (на примере восточных регионов России в XVIII–XIX вв.).^{*}

Необходимость исследования модернизации на региональном (субстратовом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации. Модернизационные процессы разворачивались в пространственно определенных условиях, которые обуславливали возможности и ограничения для модернизации, навязывали ей определенный пространственный формат. Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несли отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания.

Особенные условия для модернизации возникали в странах фронта, которые продолжали осваиваться в модерную эпоху. К числу таких стран можно отнести Россию, США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию.

В монографии «Динамика модернизации» С. Блэк выделил в особый тип модернизации «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете (имелись в виду такие страны как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия) [37]. С. Блэк обращал внимание на значение для развития стран данного типа доступных пограничных областей, которые служили не только источником богатства, но также и клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Личности и группы, которые считали себя незаслуженно обиженными, которые не сумели обеспечить себе удовлетворительных условий существования или мечтали культивировать нетрадиционные представления, как отмечал историк, имели возможность переселиться в пограничные области вместо того, чтобы пытаться найти компромисс или понести возможное поражение на прежнем месте жительства. С. Блэк указывал и на ряд проблем, создаваемых фрон-

^{*} Статья подготовлена в рамках проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» раздела 3 Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

тиром. Наиболее существенную он видел в том, что избыточные ресурсы не могли быть разработаны без дополнительной рабочей силы. Большой же приток иммигрантов, в свою очередь, создавал проблему ассимиляции, которая наиболее критические очертания приобрела в Соединенных Штатах, в то время как в других странах в силу сложившихся обстоятельства иммиграция имела более постепенный и гомогенный характер.

Сама концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тернером, стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в истории которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток». При этом последователи концепции Тернера расширили понимание фронта, показав односторонность тернеровского представления о пограничных условиях как ключевом факторе формирования страновых особенностей и обратив внимание на несомненную значимость для истории общества традиций, «ввезенных» из метрополии, характера и степени интенсивности взаимоотношений «ядра» и «границы», «запада» и «востока» [7, 13, 17, 18, 26, 33, 35].

Применительно к российской истории пространственное измерение требует самого пристального внимания. Во-первых, пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Во-вторых, колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее секторов. В-третьих, пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. Исторически формировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения, наиболее важными из которых являлись северный, восточный и южный, регионы различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Представляется, что на материале восточных регионов России – Урала и Сибири, включенных в состав страны в основном на протяжении XII–XVII вв., можно рассматривать региональную модель фронтальной модернизации в XVIII–XIX вв.

Восточные регионы продолжали осваиваться в эпоху модернизации. Только с середины XVIII в. началось мощное земледельческое освоение Южного Урала (Оренбуржье). Большие массивы свободной земли были распаханы в Башкирии, Предуралье и Зауралье во второй половине XIX – начале XX вв. Аграрное освоение региона создавало базу для обеспечения

местной промышленности собственным хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Что касается Сибири, то в XVIII – XIX вв. продолжался процесс присоединения и закрепления территорий («геополитического охвата», по выражению М.В. Шиловского) на юге региона, а также на Дальнем Востоке; продолжалась нарастающими темпами аграрная колонизация [36]. Крупное заводское строительство (промышленная колонизация), развернувшееся на Урале, а затем и на юге Западной Сибири, на Алтае, в первой половине XVIII в., ускорило перемещение сюда новых контингентов населения с различных территорий.

Таким образом, восточные регионы длительное время сохраняли освоенческий синдром, что выразилось в растянутости колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п.

Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Продолжавшаяся колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла на длительное время доминирование добывающих отраслей экономики. Освоение новых пространств, как ведущий региональный процесс, сближало Россию с переселенческими странами, в частности, со странами Нового света [1, 21, 30, 31].

Признаком фронтирности являлась заметная милитаризация восточных регионов, проявлявшаяся в размещении здесь фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Яицкое (Уральское), Оренбургское казачество, Башкиро-мещерякское войско на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войсковые организации – в Сибири и на Дальнем Востоке) [14, 15], установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник).

Так, в связи с активизацией колонизации Южного Урала в 1734 г. там была сформирована самостоятельная областная единица, в значительной степени ориентированная на военно-колонизационную деятельность, – Оренбургская экспедиция (с 1739 г. – Оренбургская комиссия, с 1744 г. – Оренбургская губерния), подчиненная непосредственно Сенату. С самого момента образования новой областной единицы в ее управлении существенную роль играл военный элемент [5, 9, 12, 16, 28]. Начальник губернии призван был решать сложный узел военно-политических, административно-управленческих, хозяйственно-экономических проблем освоения Южного Урала и Заволжья, расширения разнообразных связей России с Казахстаном и Средней Азией. В XIX в. краем руководил военный губернатор или гене-

рал-губернатор (последний пост был упразднен лишь в 1881 г. после того, как край утратил значение пограничного»).

Длительное сохранение института генерал-губернаторства, утвердившегося в качестве промежуточного звена между губернскими учреждениями и Центром, характерно было и для сибирских окраин. Генерал-губернатор как государев наместник выступал в качестве посредствующей инстанции между высшей и местной администрациями. При этом огромная власть генерал-губернатора в значительной степени опиралась на личное доверие монарха, была почти бесконтрольна. Генерал-губернатор являлся «главным блюстителем неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям местного управления во вверенном ему крае». Возглавляя высшую администрацию края, генерал-губернаторы в определенном смысле возвышались над существовавшей чиновной иерархией [19, 20, 22, 23, 24].

Существенную роль в системе местной администрации на Востоке России играли регионально-экономические управления [29, 32]. В целом, функционируя в сходном институционально-правовом контексте, региональные системы управления горнозаводской промышленности на Урале и на Алтае обнаруживали некоторое сходство в организации и приемах реализации промышленной политики.

Административное устройство способствовало ускорению процессов регионообразования на Востоке России. Из огромного и слабо организованного суперрегиона XVII в., включавшего практически все восточные территории России, в XVIII столетии выделился Уральский горнопромышленный регион (окончательно приобретший самостоятельный административно-территориальный облик во второй половине XIX в.). С середины XVIII в. началось постепенное административное разделение Сибири на Западную и Восточную, в основном завершившееся ко второй четверти XIX в. Во второй половине XIX в. произошло административно-территориальное оформление Дальнего Востока [3, 27]. Конечно, впоследствии очертания административных единиц и границ между ними неоднократно менялись, но влияние рубежей, сложившихся между административными субрегионами Востока России к началу XX в., сказывается до сих пор.

Повышенная роль в контексте фронтальной модернизации принадлежит транспортному фактору. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. Железные дороги также ускорили освоение Урала, Сибири и Дальнего Востока, стимулировали развитие промышленности, рост городов. Благодаря созданию общеуральской железнодорожной сети был образован рынок промышленного сырья и топлива, получили развитие внутрирегиональные экономические связи, был дан импульс регионализации

социально-экономических и социокультурных процессов в крае. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога – Транссиб, соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала интенсификации хозяйственного освоения восточных регионов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку [8, 10, 30, 31, 34].

Естественное следствие пограничности восточных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, – конгломератность, т.е. длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений (согласно концепции А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова, данные пласты образуют внутри общества анклав, эффективная организованность которых дает им возможность выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата) [6]. Множества социально-сословных, этноконфессиональных, профессиональных групп создавали конгломератный региональный ландшафт.

Когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как вынужденная, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать ни нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной – естественный модернизационный процесс), но, напротив, росту социальной асимметрии. Асимметрия может нарастать и в рамках субстранных регионов. Так, экономическая модернизация на Урале на протяжении XVIII–XIX вв. привела к возникновению горнозаводского сектора промышленности, занявшего со временем ведущие позиции не только в региональной промышленности, но и в экономике страны. Горнозаводской сектор по мере своего развития превратился в важнейший фактор экономической модернизации Урала. Но при этом в ходе модернизации существенно усилилась конгломератность Урала. Дело в том, что протоиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта – технологического и организационного, даже буквальным переселением на Урал приглашавшихся для работы иноземных специалистов [4]. Очаговый характер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией [11]. Даже в конце XIX в. хотя уральская горная промышленность и захватывала Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и отчасти Вятскую и Вологодскую губернии, но в наибольшей степени она была развита в Пермской губернии (составлявшей центр «горнозаводства» на Урале), в меньшей – в Уфимской и Оренбургской. В еще большей степени неравномерность и очаговость были характерны для модернизации зауральской части России [8, 27, 34].

Более того, анклавность составляла суть самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социаль-

ные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. Так, успехи уральской, алтайской, нерчинской горнодобывающей и металлургической промышленности на протоиндустриальной стадии развития во многом достигались за счет привлечения принудительного труда мастеровых и работных людей в основном производстве и приписных крестьян на вспомогательных работах [2]. Рыночные отношения отвоевывали свои экономические и социальные ниши еще до буржуазных реформ середины XIX в., но, с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения длительное время сохранялись после отмены крепостного права.

Итак, к числу особенностей развития восточных регионов России на протяжении XVIII–XIX вв. можно отнести фронтирность, большую подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особая роль военного элемента. Включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношении, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры.

Примечания

1. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005.
2. Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
3. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В. М., 2004.
4. Алексеева Е.В. Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009.
5. Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960.
6. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002.
7. Болховитинов Н.Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
8. Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66-73.

9. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897.

10. Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005.

11. Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.

12. Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1.

13. Ефимов А.В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф.Д. Тернера // Из истории общественных движений и международных отношений / Сб. памяти в память ак. Е.В. Тарле. М., 1957.

14. История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века.

15. История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века.

16. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е – начало 60-х годов). М., 1999.

17. Кук Р. Границы и метрополия: опыт Канады. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук, М., 16–23 августа 1970 г.).

18. Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М., 1993.

19. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.

20. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

21. Побережников И.В. Канадский и сибирский фронт: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25–30.

22. Рабцевич В.В., Ремнев А.В., Конев А.Ю. Итоги и проблемы изучения административной политики самодержавия в Сибири (XVII – начало XX вв.) // Культурное наследие Азиатской России: Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса (г. Тобольск, 25–27 ноября 1997 г.). Тобольск, 1997. С. 32–33.

23. Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2001. С. 200–212.

24. Ремнев А.В. Административное единство Сибири в 19 в. // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII–XX века)/ Бахрушинские чтения 1997 г. Новосибирск, 1999. С. 99–115.

25. Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург, 2006.

26. Саймонс А.М. Социальные силы в американской истории. М., 1925.

27. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007.

28. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заплатки к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

29. Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки по истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997.

30. Супоницкая И.М. Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21–22 февраля 2007 г. М., 2007.

31. Супоницкая И. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010.

32. Территориально-экономическое управление в России XVIII – начала XX в.: Уральское горное управление. М., 2008.

33. Тёрнер Ф.Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009.

34. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

35. Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004.

36. Шиловский М.В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 648-653.

37. Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975. P. 110-114.

К.И. Зубков

Геополитические мотивации формирования Урало-Кузнецкого проекта: вызовы 1918 года

Характер проявления геополитических влияний на осуществление крупнейших проектов индустриального развития Урало-Сибирского региона в XX в. был связан в первую очередь с осознанием ведущими общественными силами России объективно назревшей необходимости изменения территориально-экономических пропорций в развитии страны, формирования новых перспективных векторов хозяйственной экспансии. Д.И. Менделеевым еще в 1896 г. была высказана мысль о том, что развитие России как великой экономической державы не может в дальнейшем опираться только на области «чисто промышленного, т.е. наиболее сложного и развитого быта» (Москва, Петербург, Рига, Варшава), пользовавшиеся «выгодами торгового положения» ввиду близости к рынкам Европы или на районы, выросшие за счет тяготения к берегам «теплых морей, ... составляющих главный путь крупных международных торговых оборотов» (Южный, Закавказский) [1, с. 40, 42, 44]. Сдвиг производительных сил России на вос-